

ОБРАЗОВАНИЕ, ПОЛУЧЕННОЕ В МГИМО, КАК ФАКТОР РЕШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАДАЧ

С.А. Сторчак

старший банкир Государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ», экс-заместитель министра финансов РФ (2005-2020 гг.), выпускник МГИМО

Институты финансирования развития играют все более возрастающую роль в обеспечении устойчивого развития национальных экономик. ВЭБ.РФ относится к числу этих институтов. Какие проекты финансирует Корпорация, на каких условиях и с помощью какого механизма? Об этом и многом другом Сергей Сторчак рассказал в интервью журналу «Международный бизнес».

Поступила в редакцию: 14.01.2025

Принята к публикации: 16.01.2025

- Вы окончили МГИМО в 1981 году. Как ваше образование помогло вам в вашей дальнейшей профессиональной деятельности?

- В 1976 году мне, надо сказать, не без труда, посчастливилось быть зачисленным на факультет международных экономических отношений. Однако для этого пришлось успешно сдать выпускные экзамены – они же для нас были и вступительными – на подготовительном факультете, где мы обучались почти год.

Как оказалось, подфак стал отличной школой в плане понимания и использования возможностей МГИМО (одни только лингвистические кабинеты и работа в группе до пяти человек чего стоили!), получения навыков самостоятельного обучения, налаживания коммуникаций с преподавателями (по-прежнему дорожу отношениями с Верой Семеновной Прониной, которая, образно говоря, «развязала мне язык», обучая английскому) и коллегами-студентами, которые в большинстве своем были значительно моложе и имели лучшую подготовку, чем демобилизованные армейцы и производственники. Меня распределили по направлению «Международные валютно-кредитные отношения» (далее – МВКО), что поначалу сильно расстроило: СССР опирался на политику абсолютной валютной монополии, которую на практике проводил Государственный банк для внешней

торговли. А при монополии, когда большую роль играют внутрикорпоративные связи, какой может быть карьерный рост у выпускника, приехавшего в Москву в 1975 г. из Краснодара?

Однако со временем опасения и тревоги ушли. Проблематика МВКО все больше и больше затягивала: профессура МГИМО знала и делала свое дело! Например, надо было разобраться, в чем достоинства и недостатки использования при расчетах во взаимной торговле стран-членов Совета экономической взаимопомощи (далее – СЭВ) переводного рубля, чем он отличался от Специальных прав заимствований или SDR (Special Drawing Rights), и почему СССР не вступил в МВФ и МБРР, хотя в 1944 г. советская делегация приняла участие в международной конференции в Бреттон-Вудсе (США). Были и другие вопросы, на которые нам предлагалось найти ответы в условиях крайне ограниченного доступа к зарубежным источникам и небольшого разнообразия советских изданий.

Окончательно с выбором специализации определился после того, как встретил профессора кафедры политической экономии А.С. Богданова, которого назначили научным руководителем моей будущей кандидатской диссертации. Начало 80-х годов, в МГИМО «в моде» научные исследования по теме сравнительных преимуществ капиталистической и социалистической интеграций. На мое предложение на этот счет Алексей Сергеевич заметил, что в международной валютно-финансовой системе (далее – МВФС) «бушует» мексиканский долговой кризис, и почему бы не заняться проблемой международной задолженности, практически не изученной и не описанной в научной литературе СССР. В итоге именно эта тема – эта специализация – стала для меня «стартапом» в будущей карьере.

Приличное владение английским языком, знания, полученные на кафедре МВКО, возможность посещать Государственную библиотеку имени В.И. Ленина (такое право предоставлялось аспирантам) – все эти обстоятельства позволили написать и защитить кандидатскую диссертацию под мудреным по нынешним временам названием: «Проблемы и противоречия государственно-монополистического регулирования вывоза ссудного капитала в развивающиеся страны». Потом была командировка в Женеву, достаточно плотная работа со специалистами ЮНКТАД, которые активно занимались продвижением идей и инициатив в области управления государственным долгом и которые, надо сказать, увидели во мне коллегу.

Таким образом, полученное в МГИМО образование предопределило мою дальнейшую профессиональную деятельность, хотя без удачи здесь все же не обошлось. В 1994 г. по инициативе также выпускника МГИМО, известного предпринимателя А.Е. Лебедева, у меня состоялся разговор с министром финансов С.К. Дубининым, который высоко оценил мои знания, в частности в отношении правил и принципов функционирования Парижского клуба официальных кредиторов, и предложил профессионально «заняться Клубом», но уже в Минфине

России. Сначала эту задачу мы решали с позиции страны-дебитора, а с 1997 г. приезжали на сессии Клуба как государство-кредитор. Правда, когда обсуждался российский долг, нас вежливо выставляли за дверь.

- Вы занимали ключевые позиции во Внешэкономбанке и Министерстве финансов. Какие самые важные изменения в финансовой политике России вы наблюдали за это время?

- Таких изменений за 30 лет произошло достаточно много. Из системных назову два: переход на казначейское цифровое исполнение федерального бюджета и глубокая, причем успешная, реформа налоговой системы страны. В обеих сферах Россия занимает ведущие позиции в мире, является признанным авторитетом, о чем свидетельствовали итоги нашего председательства в 2013 г. в «двадцатке», если о них судить по ряду документов, согласованных на ее «финансовом треке».

Однако мне ближе, по понятным причинам, изменения, которые произошли в «зонах моей ответственности», прежде всего в сфере управления государственным долгом и государственными внешними финансовыми активами. Это преодоление последствий дефолта и создание предпосылок для начала развития экономики страны в условиях долговой устойчивости, так как были успешно решены следующие задачи: досрочно погашена задолженность перед МВФ и странами-членами Парижского клуба кредиторов (экономия на процентах будущих периодов составила почти 10 млрд долл. США); успешно проведен обмен на еврооблигации России долговых обязательств Внешэкономбанка перед банками-кредиторами, объединившимися в Лондонский клуб, а также перед коммерческими кредиторами бывшего СССР (повышение «качества» долговых обязательств благодаря замене ответчика – корпорации на суверена обеспечило получение скидки в размере 35%). Это формирование за счет нефтегазовых доходов финансовой «подушки безопасности», что уберегало нас многие годы от «голландской болезни» и неприемлемого уровня инфляции, а впоследствии позволило профинансировать ряд важных инфраструктурных проектов.

Крупный успех финансовой и денежно-кредитной политики – восстановление после дефолта и развитие национального долгового рынка, включая рынок облигаций федерального займа (ОФЗ) и, по сути, на его основе стремительный рост рынка корпоративных заимствований. Это упорядочение работы со странами-дебиторами бывшего СССР и переход к использованию стандартных механизмов и инструментов внешней кредитной политики: межправительственных соглашений о «связанных» кредитах и межбанковских соглашений о расчетах по ним в денежной (а не товарной, как в прошлом) форме, среднесрочных программ кредитования зарубежных заемщиков в составе федерального бюджета и ряда других нововведений. За всеми упомянутыми достижениями стояли решения Президента, Правительства, Парламента, Центрального банка и, разумеется, Минфина России и Внешэкономбанка.

- По вашему мнению, каковы перспективы интернационализации российского рубля в условиях существующих санкционных режимов?

- Процесс интернационализации рубля начался до введения разного рода ограничений. Вспомним, например, выход на российский долговой рынок Республики Беларусь с суверенными облигационными займами. Присутствовали на нем и отдельные многосторонние банки развития (далее - МБР), в частности ЕБРР. Интересно, что заемщики Российско-киргизского фонда развития с самого начала его функционирования в 2015 г., как правило, предпочитали привлекать кредиты в рублях (реже – в сомах), хотя капитал Фонда – по настоянию киргизской стороны – сформирован в «американце». Так что спрос на рубли имелся и имеется. Однако не стал бы оценивать перспективы его дальнейшей интернационализации, поскольку плохо просчитывается влияние на этот процесс большого числа разнообразных факторов. В их числе – инфляция и инфляционные ожидания, внедрение в оборот цифрового рубля и его фактическое использование, политика и практика стран-членов объединения БРИКС в сфере внедрения в торговые расчеты национальных валют, наконец, состояние корреспондентских отношений участников банковской системы России с коммерческими банками зарубежных юрисдикций, прежде всего с теми из них, кто работает в дружественных странах.

- Как вы оцениваете роль международных финансовых институтов в поддержке российской экономики в условиях глобальных экономических изменений?

- Сложный вопрос. По долгу службы мне приходилось взаимодействовать и с МВФ, и, наверное, с десятком глобальных и региональных многосторонних банков развития, участвовать в переговорах об учреждении Нового банка развития и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, а впоследствии – в составе советов директоров – в запуске ими практических операций. Разное бывало в наших отношениях. Например, трудно переоценить роль МБРР в реструктуризации угольной промышленности России: кардинальные изменения произошли в 90-е годы при методологической и финансовой поддержке этого Банка – отрасль стала рентабельной.

На текущем этапе, в силу понятных обстоятельств, аналогичных по масштабам и влиянию решений ожидать не приходится. К тому же Россия отдает предпочтение работе с МБР не как суверенный заемщик, а как ответственный акционер. В этом принципиальное отличие текущей политики от политики 90-х и начала нулевых. В то же время кредитование и иное взаимодействие этих институтов финансирования развития (далее - ИФР) с корпоративными заемщиками России не может не приветствоваться. Однако на пути к такому сотрудничеству встали акционеры из числа недружественных стран. Время покажет, кто в конечном итоге окажется в выигрыше. Сами МБР? Едва ли: вместо диверсификации своих кредитных портфелей, причем за счет «качественных» заемщиков из России (на одном из этапов сотрудничества российские компании приносили до трети

процентных доходов ЕБРР), они вынуждены мириться с концентрацией финансовых активов в относительно небольшом числе суверенных заемщиков, круг которых к тому же сжимается из-за роста задолженности многих из них.

- Как вы оцениваете влияние цифровизации на финансовые расчеты в будущем? Каковы риски и возможности для банковского сектора?

- Цифровизация банковской деятельности идет полным ходом. Мне не раз доводилось слышать заявления представителей IT-индустрии в том смысле, что без их технологий и решений современный банкинг как минимум мало маржинален и низко эффективен, а как максимум – просто невозможен. С такими выводами трудно не согласиться.

Проникновение цифровизации в банковское дело идет по всем направлениям: от открытия счетов и до зачисления на них средств клиентов, от оценки рисков и до принятия решений о выдаче кредитов, причем как бланковых, так и имеющих обеспечение. Сейчас трудно себе представить подготовку финансовой и нефинансовой отчетности без применения IT-решений и цифровизации. При этом такая отчетность играет возрастающую роль в поддержании партнерских отношений с клиентами и иными участниками финансовых рынков, поскольку современный бизнес активно использует ESG-стратегии как доказательство приверженности социально ответственному устойчивому развитию. В ВЭБ.РФ мы достаточно давно приняли на этот счет адекватные, на мой взгляд, решения, о чем свидетельствуют максимально высокие ESG-рейтинги, присвоенные нам Банком России (ESG-I) и рейтинговым агентством «Эксперт РА» (ESG-AAA).

- Как вы оцениваете роль ВЭБ.РФ в развитии экономики страны в последние годы?

- Прежний Внешэкономбанк и модернизированная при И.И. Шувалове Государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ» (далее – ГКР «ВЭБ.РФ») – мало похожие друг на друга институты финансирования развития, хотя некоторые элементы преемственности сохранились. Это касается, в первую очередь, выполнения функции агента Правительства по государственным экспортным («связанным») и, реже, финансовым кредитам, а также по управлению внешними финансовыми активами, то есть участия в операциях с зарубежными заемщиками по возврату средств кредитов, ранее ими полученных. В связи с санкционными ограничениями на использование Россией доллара США и иных резервных валют работа на данном направлении приобрела новые «оттенки», в частности стала более «деликатной». Но это – другая история.

Современный ВЭБ.РФ – это прежде всего подготовка к реализации и обеспечение финансирования крупных региональных и общегосударственных инфраструктурных проектов. При этом проект будет поддержан только в том случае, если наши эксперты придут к обоснованному заключению, что его реализация приведет к очередному социальному эффекту – повышению уровня и улучшению качества жизни россиян, проживающих в районе реализации проекта.

Флагманский механизм нашего участия в проектах получил название «Фабрика проектного финансирования». По сути, «Фабрика» – одновременно и «framework» (партнерам заранее известны параметры кредитования), и «facility» (инициатор проекта понимает, что ВЭБ.РФ вместе с партнерами обладает требуемым ресурсным потенциалом).

В своей работе ВЭБ.РФ опирается на все известные инструменты так называемого «смешанного финансирования» или блендирования: дерискинг (синдицированные кредиты с участием нескольких банков); поручительства, которые по своему содержанию близки к госгарантиям; траншевание финансовых потоков, когда обязательства предоставить денежные средства по самым рискованным траншам (первый и последний) принимает на себя ВЭБ.РФ; наконец, субсидирование для заемщика-инициатора проекта процентной ставки за счет средств федерального бюджета и поддержание ее на приемлемом уровне в течение всего периода использования и возврата средств кредита.

«Фабрика» – это еще и особые условия фондирования Корпорацией своей деятельности на долговом рынке: Банк России установил для ВЭБ.РФ особые понижающие коэффициенты резервирования для наших выпусков облигационных займов. Этот порядок существенно уменьшает давление на капитал и позволяет, если не наращивать, то поддерживать объемы кредитования российской экономики.

Немного деталей о масштабах такой поддержки. Всего за период с 2018 г. по начало 2025 г., то есть за период действия Стратегии развития ВЭБ.РФ, одобренной Правительством в 2023 г., при нашем участии обеспечено финансирование проектов на общую сумму инвестиций, которая превышает 42 трлн рублей. Для сравнения: в 2023 г. годовой ВВП России достиг 171 трлн рублей, то есть вклад ВЭБ.РФ в экономику страны является существенным. Проекты, поддерживаемые ВЭБ.РФ, реализуются во всех отраслях российской экономики, в том числе в тех из них, которые обеспечивают достижение национальных целей развития. Особая гордость – завершение строительства и/или модернизация 12 аэропортов по всей России, через которые перевозится до 110 млн пассажиров в год. Получены заявки на поддержку аналогичных проектов еще в шести городах: Краснодаре, Салехарде, Горно-Алтайске, Магнитогорске, Омске, Архызе. Кроме того, ВЭБ участвует в проектах по модернизации городского, прежде всего электрического наземного транспорта в 9 городах страны, в которых проживает 8 млн человек, поддерживает строительство общеобразовательных школ. Корпорацией уже запущено 22 таких учебных заведения. В целом планируем построить 69 современных школ, которые будет посещать в одну смену (!) 61 тыс. детей.

Современный ВЭБ.РФ – это общероссийский методологический центр устойчивого развития, учрежденный по решению Правительства. Результатом совместной с Минэкономразвития работы являются: таксономия «зеленых» и переходных проектов; таксономия проектов технологического развития; таксономия проектов социального развития. Тому, кто намерен посвятить себя бизнесу, важно знать

их содержание, поскольку соответствие проекта параметрам, заложенным в любой из таксономий, открывает дорогу к получению его инициатором поддержки со стороны государства.

- В условиях рисков, связанных с глобальными санкциями, как банки в России, в частности ВЭБ, планируют продолжать сотрудничество со странами-партнерами?

Прежде всего, делается все необходимое для того, чтобы адекватно учитывать интересы наших партнеров из числа ИФР. Принцип «не навреди» стал для ВЭБ. РФ базовым, поскольку угроза применения «вторичных санкций» является вполне реальной, и эта ситуация требует внимания со стороны финансовых институтов, активно обслуживающих внешнеторговые операции и использующих международные финансовые рынки для целей фондирования собственной деятельности.

Мне сложно говорить о стратегии и тактике коммерческих банков России, но что касается ВЭБ.РФ, то ставка сделана на развитие партнерских отношений с участниками ИФР, в частности являющимися членами Механизма межбанковского сотрудничества объединения БРИКС, причем их число возрастет с пяти до десяти; Межбанковского объединения ШОС (и здесь ожидаем новых членов), а также расширение взаимодействия в рамках многосторонних ассоциаций ИФР: Латиноамериканской (ALIDE), Азиатско-Тихоокеанской (ADFIAP), а в перспективе и Африканской (AADFI), каждая из которых объединяет несколько десятков финансовых институтов. Как член этих ассоциаций, ВЭБ.РФ активно взаимодействует с коалицией «Финансы для всех» или «Finance in Common Coalition», в которую входят более 500 институтов финансирования развития, представляющих все экономики мира.

Работа в многосторонних объединениях дает возможность ВЭБ.РФ продвигать свои интересы на различных переговорных «площадках». Хорошие перспективы в этом плане обеспечивает также участие в мероприятиях, проводимых по линии ООН, например, в рамках глобальной климатической повестки. Здесь уже давно сформировалось мнение о том, что без активного использования финансовых ресурсов ИФР в проектах, финансируемых через механизм «смешанного финансирования», невозможно выйти на показатели достаточности объемов климатического финансирования. По разным оценкам, в сфере фондирования «климатических» проектов «финансовый разрыв» достигает как минимум 2,5-3,0 трлн долл. США в год. В данном контексте опыт ВЭБ.РФ в части применения механизма «Фабрики», о котором мы уже говорили, оказался весьма востребованным.

- Как вы видите перспективы развития торгово-экономических отношений между странами БРИКС в ближайшие годы? Какие преимущества может дать платформа BRICS Bridge для расчетов в национальных валютах?

- Мне сложно комментировать эту тему, поскольку в BRICS Bridge ключевую роль играют регуляторы (центральные банки) и министерства финансов стран-членов Объединения. В то же время стоит обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, за активностью в данной области крайне внимательно

следят как военно-политические, так и академические круги недружественных стран, о чем свидетельствуют доклады, подготовленные двумя американскими университетами по заказу Пентагона, а также исследование Кембриджского университета. Тем, кто интересуется данной проблематикой, рекомендую познакомиться с этими документами, которые находятся в свободном доступе.

Во-вторых, лично у меня складывается впечатление, что имеется определенный разрыв между заявленной лидерами объединения БРИКС целью и практическим движением в направлении расширения практики использования национальных валют во взаимных расчетах. Требуется время и терпение. Доллар «завоевывал» расчетный «пьедестал» в течение нескольких десятков лет (его доля в экспортно-импортных инвойсах устойчиво держится на отметке 80%), а привычка – огромная сила. Искусственно «заставить» участников взаимной торговли отказаться от того, к чему они привыкли, весьма затруднительно и затратно.

- Какой жизненный принцип вы считаете основополагающим для успешной карьеры в финансах и экономике?

- Может это покажется странным, но никогда не ставил целей в области карьерного продвижения. На первом месте для меня были вопросы наращивания профессиональных знаний и навыков. По этой причине много работал с первичными документами сам, много читал специальной литературы. При этом, честно говоря, не считаю себя ни экономистом, ни финансистом. По факту моей основной профессией стала многосторонняя финансовая дипломатия, опирающаяся на упомянутые знания и навыки, весьма необходимые для работы в Парижском клубе кредиторов, в «Группе 20» и с МБР. Возможно именно в силу этих обстоятельств в 1998 г. меня пригласил во Внешэкономбанк его председатель А.Л. Костин, в 2004 г. вернул в Минфин России А.Л. Кудрин и много лет «сохранял» в министерстве А.Г. Силуанов. В 2021 г. И.И. Шувалов «вернул» меня в ВЭБ.РФ. Очень благодарен руководителям Минфина России и ВЭБ.РФ (Внешэкономбанка) за эти решения.

- Что бы вы посоветовали молодым специалистам, которые только начинают свой путь в финансовом секторе?

- Учитывая тот очевидный факт, что финансовый сектор весьма обширен и разнообразен, и если исходить из моего опыта, то очень важно найти ту «нишу», в которой в силу характера, знаний и обстоятельств работаете комфортно и интересно. Оба этих фактора одинаково важны. Если хотя бы один из них отсутствует, то необходимо что-то менять: либо профессию, либо место работы, либо и то, и другое.